

Теологическая апология труда

Сергей Градировский

1. Мы имеем дело с сокрушительной девальвацией труда. Причем не только в ортопраксии и ортодоксии различных конфессий и церквей, но и в ориентирах секулярных центров, генерирующих большие цивилизационные смыслы.

2. Исток указанного поражения в забвении святости труда. Темная сторона труда затмила светлую. Всем, кто признает, что у Церкви есть повестка, придется задуматься о таком ее пункте, как требование нести городу и миру оправдание труда. Оправдывается то, что свято.

3. Восстановление святости труда необходимо начинать с реабилитации знания об Отце. Для чего важно ответить на ряд вопросов: Отец сам трудился? Он миролюбив к трудящимся? Существует ли заповедь труда, данная нам самим Отцом? Он научил нас как именно трудиться? Он дал нам утешение в труде? При каких условиях труд ведет к спасению? Возможен ли труд как соработничество с Отцом? Наконец, ведет ли труд в мастерскую Отца?

4. Отец сам трудился и нам велел. Поэтому мы не погрешим против истины, утверждая, что одно из Его святых имен – Трудящийся. Наш Бог – Бог труда.

5. Шестоднев есть краткий отчет о трудоднях Отца. Согласно данному отчету, наш Создатель и Отец трудился «весьма хорошо». Взирая на это, сердце каждого сына и дочери наполняется благодарностью. Всевышний шаг за шагом (день за днем) созидал мир, ставший нам привычным. Это пример для нашего подражания.

6. Наш Бог не похож на рантье. Он не поживает на ранее созданном, но детей Своих одаривает наследуемым. Он жертвует за нас и нашего ради спасения самым дорогим из рожденного, не сотворенного. Он творит нашу свободу. Строчка «хлеб наш насущный дай нам на сей день» – пронизана ненавистью к запасивости, которая есть производная страха перед безблагодатным будущим.

7. У Бога Труда много имен. Он начало творящее, Он всегда творящий новое. Он Бог предпринимающий, Бог промышляющий. Он Дух действующий, а не бездействующий. Он Бог, посылающий пророков, принуждающих нас к исправлению, к поступку. Он Бог милостивый, откликающийся на призыв, слышащий сердца идущих – тех, кто не ждет, кто не в унынии, но идет, кто упорно пробивается на встречу с Ним.

8. Встреча с Ним – конечный пункт нашего земного путешествия. Радость встречи может ждать за любым поворотом. Он приходит непредсказуемо, когда совсем погаснет свет, «когда не десять и не сто, а миллион поверят бреду; / когда уже ничто, ничто не намекает на победу...». Он Бог верный. Он выходит на встречу. Он Бог Сретения.

9. То, что с трудодней Всевышнего начинается само Писание, стоит подвергнуть богословской рефлексии, которая могла бы дерзнуть выйти на необходимый нашему времени догмат о труде.

10. Итак, труд есть важнейшая категория, изъятая с повестки Церкви, из ее молитвы и литургии; категория, ставшая для многих христиан абсолютно незначительной, нарочито мирской, а для центрального вопроса веры – вопроса спасения – нулевой. Церковь не забывала, но и не учила, как роль и значение труда подчеркнуто продемонстрированы Отцом в самом начале всеобщей истории. Таким образом, Церковь в повседневной практике много раз пренебрегала одной из первых заповедей – заповедью труда.

11. «Все вещи – в труде» изрекал Экклезиаст тридцать веков тому назад (1:8). Вещь не возникает вне труда. Прекрасная же вещь рождается исключительно в осмысленном и одухотворенном труде. Вещь, исцеляющая всякого, кто ее держит в руках, создается в обереге молитвенного труда. Труд создал все, что нас окружает. Во всем, что нас окружает, труд Отца и труд детей его. Если кому не нравится то, что его окружает, пусть начнет с исправления собственного труда.

12. Трудящийся достоин пропитания (Мф. 10:10). Это высказывание Учителя произносится в ситуации посылки апостолов в мир: ничего с собой брать не нужно, ведь сам труд защитит служащего и даст все необходимое. Лишнего не даст, но необходимое будет.

13. Этот апостольский труд вне системы обмена мира сего. Даром получили, даром отдавайте – *δωρεαν ελαβετε, δωρεαν δοτε* (Мф. 10:8). Уметь заквашивать мир, минуя всеобщий эквивалент, – это и слабость, и настоящая сила; это явное упрощение человеческих коммуникаций и принципиальное усложнение отношений. Церковь строится на этом умении. Закваска остается закваской, покуда это умение в чести.

14. Логично предположить, что именно посыл – совершенного и прекрасного творчества (которое есть «хорошо весьма») – Отец передал Адаму. Разумно считать, что Отец обратился к венцу Своего творения с призывом продолжить начатое дело – научиться творить весьма хорошо, научиться так, чтобы, трудясь, и тем самым раскрываясь, как бутон раскрывается свету, – исполниться, то есть приобрести новое качество.

15. Если с доверием относиться к Отцу и с усердием вслушиваться в Его Слово, придется принять в вере, что нам, его детям, заповедано научиться предпринимать целые миры – безропотно начать с Сада и дорасти до Вселенной. Человеческая история – это история смены масштаба.

16. Не менее логично предположить, что грехопадение, исказив любовь и верность, нанеся сильнейший удар по послушанию, лишив творение бессмертия, исказило и труд. Дальнейшие события истории человечества только усиливали процесс отчуждения человека от изначально праведного Труда. Все больше и больше над трудом повисали нотки проклятия, все чаще и чаще над землей разносились стенания. Ибо в том, что утратило священный статус, виделось и по факту чувствовалось исключительно наказание.

17. Умаление горнего смысла постепенно оформилось весомой частью учения о грехопадении, легализовавшего идею наказания за грех в формах тяжкого, невыносимого труда. После такого богословского кульбита возникло пропедевтическое требование все данное миром, властью, горем и другими людьми до бесконечности терпеть и только так и только через это терпение искупать себя для нового Неба и новой Земли.

18. Такой ход мысли стоит признать богословской аберрацией. Именно в этой точке Церковь подвергалась критике со стороны лидеров и концептуалистов различных левых, социалистических и коммунистических движений. Именно на этом сюжете Церковь уступила левой идее сотни миллионов душ. Это цена за неотрефлексированные пресуппозиции.

19. Оправданно предположить, что Последний Адам, наш всеобщий Искупитель, восстановив отношения человека с Отцом через Свои воплощение, служение и жертву, восстановил и другие акциденции этих отношений. Разумно допустить, что в этом списке исцеленного оказался и труд, причем все формы труда – наемного, самостоятельного, принудительного и тем более свободного ответственного труда и одной из его вершин – предпринимательства.

20. Труд, раскрывающий Замысел Бога о твари и мире, является действием сложным, в частности, в нем важны пророческий и предпринимательский компоненты. Нужно не только «глаголом жечь сердца людей», тем самым дисциплинировать, обращать, восстанавливать заветы, но и проектом влиять на пути развития человечества – перестраивать деятельность, обновлять устои, создавать рабочие места, фокусируясь на творении нового, сложного, прекрасного.

21. Такой пророчествующий предприниматель соизмеряет свои интенции с Небом, понимая, что делать ставку на «технологическую платформу» Отца – умно. Нарращивать, усложнять и переводить техносферу в новый класс живого можно, при этом проявляя благоразумие и согласуясь с Духом. Идти за Духом Отца, а не за безупречной логикой технэ. Есть такая современная разновидность идолопоклонства – следовать путями технэ и даже поклоняться искусственному интеллекту.

22. Труд пророчествующего предпринимателя нацелен на экспансию внутреннего видения. Предприниматель есть тот, кто прозревает по-настоящему новое и иное. Предпринимательство суть наступление созидающей воли в мир, упрямое заквашивание мира. Предприниматель провозглашает то, чего еще нет. Силы свои он поддерживает в молитвенной страже. Это глас, вопиющий против энтропии и равнодушия мира к созидающему Замыслу Отца.

23. Предприниматель как человеческий тип всегда собран: он собран, ибо нацелен, нацелен, ибо уже вложил в то, чего еще нет, но что уже для него и его веры более реально, чем то, что с очевидностью существует для всех остальных. И в этом смысле он одиночка, инок. Даже если у него есть преданная ему команда, он сущностно останется иноком. За счет личной и созидающей концентрации, оставаясь лицом к лицу с Богом, предприниматель инвестирует себя самого в будущее и потому аскетичен в настоящем. Он щедр для будущего и скуп для настоящего.

24. Будущее для предпринимателя более реально, чем настоящее. Смысл его позиции в разрушении существующего порядка вещей. Шумпетер характеризовал предпринимательство как созидательное разрушение. Труд предпринимателя обесценивает настоящее. Настоящее деморализуется предпринимательским видением и волей, направленной на иное. Для предпринимателя идея, овладевшая сердцем и всем его существом, важнее сопромата существующего. Поэтому в предпринимательстве есть сила разрушения.

25. Предприниматель – идеалист, но в отличие от литературного идеалиста – он заземлен и крепко стоит на ногах. В пределе предприниматель есть столп и утверждение Идеи в мире вещей и отношений.

26. Пророк словом, а предприниматель делом приводят существующее к должному. И не дай Бог, кому-либо из них оказаться во власти чуждого духа.

27. Предприниматель настолько же опасен для власть имущих, как и пророк. Пророк возвращает миру Слово и установленный Небом порядок. Это, как правило, неприятно миру и идет вразрез воле сильных мира сего. Пророчествующий предприниматель расширяет удел Отца, утверждая Его владычество, насаждает новый Сад. От этого бывает больно и самому миру.

28. Наш Бог – предприниматель. Современное христианское мышление каждый раз спотыкается на этом образе. Так получилось, что христиане легко представляют Отца всея Творцом, Вседержителем-Пандократором, великим Врачевателем, искусным Ваятелем, безупречным Демиургом (буквально «творящим свой народ»), но мыслью спотыкаются и духом возмущаются, услышав, что кто-то Отца почитает за величайшего Предпринимателя.

29. Наш Бог – совершенный предприниматель, с совершенным замыслом, принявший наши человеческие риски и страхи на Себя. Он предпринял нас, сделав нас свободными. Он продолжает наполнять нами землю: как сказал Адаму, так и делает. Он по-прежнему верит в нас, продолжая это делать. Он следует обнародованному в Откровении замыслу и проекту, ибо Он Бог верный и всегда предпринимающий.

30. Человеку и миру страшно, когда приходится возвращаться к истоку. У человека для этого есть покаяние, для мира же и его закваски Церкви существует реформация. Реформация суть филигранная деятельность по возвращению Церкви как избранного народа «царей и священников» к первоначальной форме, той, что была явлена на пятидесятый день, когда огненные языки спустились на всех, кто пребывал в единстве и надежде.

31. Потребность в реформации неиссякаема, также как неиссякаема жажда покаяния верующего. Поэтому в повестке Церкви всегда перманентная реформация. Рефлексия этого факта выразилась в чеканной формуле: *Ecclesia semper reformanda est*. Реформация есть сущностная часть самой Церкви. Чтобы соль оставалась солью, она не должна раствориться. Но время, культура и цивилизация – растворяют. Противостоять времени можно, только пребывая в вечности, противостоять культуре и цивилизации должно, устремляясь в безумном порыве к истоку первоначальной формы. Когда в это верят и делают многие – это становится реформацией.

32. Реформация возможна, когда массово практикуется метанойя труда. Это значит поворот от труда «как он есть» к труду как священнодействию. Для успеха реформации метанойя труда должна стать массовой.

33. Священнодействуя в труде, мы собою и своим делом выгораживаем удел Отца (это затрагивает также профессиональную деятельность). Здесь на земле Его удел ширится только благодаря упорному и слаженному труду верных. Когда же верные теряют свою верность, когда их воля ослабевает, когда их ум захватывают сомнения, то есть когда соль теряет силу, – тогда и удел Отца сжимается подобно шагреневой коже. Это равноценно потере пути к Царству.

34. Мы возвращаемся на путь только тогда, когда случается новое пробуждение, а без него и не возвращаемся вовсе. Но мы же род избранный, царственное священство, народ святой, мы же взяты в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет (1 Птр. 2:9), и это мы – священники, цари и пророки Его Царства – удерживаем границы, за которыми только тьма и скрежет зубов. Да, это наш такой сермяжный труд – расширять пространство света, исходящего от Творца всего сущего.

35. Реформация сама по себе есть особая форма труда. Реформация несет множество рисков, но без новой, куда более зрелой реформации ценности Писания будут девальвированы и маргинированы растущим идолом прав человека, на глазах приобретающим очертания всеобщего насильника.

36. Если наш Бог – Господин труда, то верующий в труде смело уповает на Сына и Духа Святого. Сын дал понять, что пришел ради тех, кто трудится и кто не может трудиться, но не праздных, ведь сказано же «приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные» (Мф. 11:28). Праздные уже свое получили. И посему праздных Он недолюбливал также как «теплых», что извергнутся из уст Его (см. Откр. 3:15).

37. С нами ныне и присно надежда на то, что Святой Дух на стороне трудящихся. Он утешитель нуждающихся, Он утешитель обремененных трудом и условиями труда. Он с нами, ибо «трудящийся достоин награды своей» (1 Тим. 5:18).

38. Есть два типа труда: труд в воскресшем Адаме и труд в падшем Адаме. Труд как излитие от избытка, как священнодействие (христов) и труд как истощение, как отчаяние, как вечное отчуждение результатов собственного труда (марксов). Первый тип труда описывается формулами катафатического богословия. Второй тип – центральный элемент рабочей онтологии марксизма.

39. Подлинный труд по сути своей инаков к тому, что принято именовать работой. Он противоположен марксовской паре «труд/капитал». Подлинный труд собирает человека, а не разрушает, он приближает человека к центру и Духу, а не отчуждает его.

40. Наш Бог – плотник. Поэтому верные Слову с усердием практиковали труд, созидающий их личности. Такая личность в гражданском мире стремится через тернии к звездам, в сакральном мире совершает свой путь от Голгофы к отваленному камню гроба.

41. В исторической перспективе труд был уздой и плетью: средством смирения плоти, усмирения страстей, уравнивания ума. Труд был синонимичным измождению, принимался за средство, блокирующее страсти греховного тела. Именно такой труд качественно проработан и объяснимо воспет святоотеческим благочестием. Именно такой труд насмерть пугает изнеженного современника.

42. «Необходимо со всей решительностью защищать смысл труда» (Lab. 1)*. Смысл труда – это не то, что передается трудящемуся работодателем или что прописывается в одном из разделов трудового контракта. Смысл можно только стяжать, он всегда есть собственное усилие. Его нельзя поручить, нельзя купить, нельзя передать на аутсорсинг. Только самому, только лично. Наиболее полный смысл такого стяжания можно извлечь в диалоге с Тем, Кто есть неиссякаемый источник блага. Но стяжать и, стяжав, уберечь смысл от обесмысливания человеку приходится всегда самому.

43. Самому, но не одному. Эту великую идею проповедует Церковь. Личное начало не затмевается соборным, но питается соками ближнего и всеобщего.

44. Человек, уничтожающий себя в труде, не помнящий себя в процессе создания блага, с очевидностью глубоко несчастен. Человек, как правило, самостоятельно превращает добровольный труд в принудительный (за исключением случаев прямого рабства и насильственного принуждения). Это такая болезнь, незрелость, неготовность к труду, одним словом, что угодно, но только не предзаданность, навалившаяся на трудящегося в связи с извращенными общественными отношениями.

---

* Lab. здесь - *Laborem Exercens* (Совершая труд) - третья энциклика Иоанна Павла II, от 14 сентября 1981 года, посвященная социальному чению Католической церкви, касающемуся наёмного труда и капитала.

45. Бог нас видит свободными. Не государство, не общество, не даже наши близкие, но Бог. Посему в человеке изначально есть зерно освобождения. Сложение двух волей – Отцовской и сыновьей – дает лучший результат. Никто не желает нам большей свободы, чем Тот, кто сделал нас таковыми онтологически.

46. Итак, человек сотворен для труда, он обязан трудиться, потому что Бог, предваря творение, трудился. Посему чем мечтать об избавлении от труда, лучше вернуть себе понимание труда. И тогда по слову будет: «ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11:30).

47. Станет легко тому, кто понимание труда соберет посредством триады вера, надежда, любовь.

48. Вера напоминает о жизни полевых лилий, которые ни трудятся, ни прядут. И потому считается, что вера разрушительна для мотивации труда. Ищите, прежде всего, Царства Небесного, а все остальное приложится – всякий христианин помнит эти слова Учителя. И это есть лучшая критика марксова труда: он бессмысленен, ибо вне путей спасения. От него лучше отказаться. Но христов труд не противоречит вере, он придает вере форму, он выводит трудящегося на ниву Отца.

49. Потому Иаков сказал: вера без дел напрасна, вера без дел мертва. Мысль брата Спасителя указывает нам на то, что вера, игнорирующая труд, подобна дому, воздвигнутому на песке. Приходят мутные потоки обыденной жизни, приходят развлечения, накатывает суета сует – и сносят такой дом.

50. В труде рождается надежда, трудом она укрепляется, в труде она вырастает в могучее древо веры, в кронах которого совьют свои гнезда множество птиц небесных.

51. Правильно понятый и исполненный труд – подобен любви, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (см. 1 Кор. 13). Так и труд способен покрывать, исправлять, не искать своего, даровать плоды свои всякому. И подобно любви, он никогда не прекращается, ведь начав с Сада, нам еще так далеко до Вселенной.

52. Труд подобен тиглю, в котором глиняный человек выплавляется в человека нового, слаженного «по образу и подобию» Творца. В религиозной аскетике усердие, делание, в первую очередь «умное делание», в целом труд, по совокупности различные формы труда направлены на трансформацию естества, на совершенствование души, на преодоление дольного. Это верный путь, путь к спасению.

53. Святой труд в основе своей сотериологичен как сотериологичны вера и благая весть. Базовая интенция святого труда направлена на спасение, где спасение рассматривается не только как исключительное проявление благодати, но как совместный с Богом труд по пресуществлению раба – в сына, бесправного – в наследника, глины – в звонкий сосуд для Духа.

54. Важно разбираться в тонкостях. Трудиться не значит спастись. Тем не менее труд сотериологичен. Ибо подражание Трудящемуся Отцу вводит нас с Отцом в единство, а всякого верно трудящегося – в сыновство. Не это ли мы назовем путем к спасению?

55. Бенедиктинский устав – кристаллизация опыта спасения в труде. Повторим, спасение в труде не означает, что труд сам по себе спасает, но означает, что труд является хорошим мерилом деятельной веры: «покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак. 2:18).

56. Труд в основе своей праведен. В ежедневном последовательном труде человек практикует праведность. Честность отношений, внимание к пунктам договора, мудрость и сдержанность в руководстве, исполнительность, полная достоинства, достижение сказанного, исполнение обещанного, скрупулезность соблюдения технологического регламента, чтимость нормативной культуры, – из всего этого складывается мастерство и такое, чтобы к вечеру, уже усталым, но счастливым признаться себе, Богу и товарищу: это было «весьма хорошо».

57. Труд в основе своей экклесичен. Труд возможен только при призыве и собирании многих и различных в организационные машины, позволяющие достигать богатства и удовлетворения и одновременно исполнять Замысел о мире и человеке. Когда различные знатоки дела (равно профессионалы) «созываются» под проектную идею, будучи носителями разных даров, – тогда становится возможным чудо сотворения нового, по-настоящему нового. Это пример экклесийного сбора (ἐκκαλέω – «призывать», «созывать», «собирать»). Еще не экклесия, но уже решительный шаг в сторону ее.

58. Маркс доказал, что современные экономические отношения страдают отчуждением. Человек в них чудовищно одинок, несмотря на то, что зависит от всех и вся и не может избавиться ни от навязчивой рекламы, ни от повсеместного сервиса. Информационная плотность, описываемая современными референтными группами, на самом деле, антропная пустота. Люди, населяющие эти пустоты, не в состоянии выстроить никаких отношений, хронически боятся сблизиться, услышать призыв, они уже не в состоянии создать полноценную общину верных (экклесию). Принудительный труд и ажиотажное потребление – последнее прибежище таких людей в мире. И именно для таких людей звучит призыв собраться в экклесийном труде. Именно ради них пришел Сын человеческий.

59. В обществе потребления человек имеет все, кроме того, что ему необходимо. Проблема этого мира не в том, что он не может обеспечить бедных, а в том, что он не может насытить богатых. Одновременно Церкви важно признавать, что многие из бедных не прилагают достаточных усилий, чтобы вырваться из бедности, хотя это в их силах (дары на это есть), но и многие из богатых не прилагали достаточно усилий, чтобы обладать существующим богатством. Но ни зависть со стороны бедных, ни презрение со стороны богатых – ничего не изменит в положении дел.

60. Труд в основе своей койноничен (κοινωνία). Труд во многом бессмыслен и почти что невозможен вне системы разделения труда (здесь разделение понимается как разделенный с кем-то труд). Участие в труде, разделенном с другими, есть форма «разделенной жизни», принятой лично и добровольно. Труд превращает человека в существо коллективное (в общественно-го животного Аристотеля), значит, на постоянной основе зависящее от других. Таким образом, труд включает человека в отношения. Причем в продуктивные и ответственные отношения, ведь каждый из нас все больше и больше зависит от результатов чужого труда и вынужден доверять. Выращивать в себе доверие и конструктивное отношение к другим.

61. Койнония есть связность различаемого. Она дает людям труда неслиянно-нераздельное существование в труде. Еще-неразделенное не требует связности, однородное тоже не требует связности. Связность нужна тому, что имеет различие, функциональное и позиционное, и тем самым нуждается в собранности, в создании конструкции общего дела. Отсюда наша гипотеза, что не по месту, а по сфере труда, по виду деятельности, по принятию на себя неразрешимых задач в наше время устанавливаются крепкие койнонические отношения. Поэтому на Третьем Евангельском Соборе в 2012 году речь шла о посферных церквях, существование которых наблюдается наряду с поместными.

62. Труд в основе своей деятелен. Труд жив углублением себя. Ведь всякий труд существует не сам по себе, а только в схеме разделения труда. Считается общим местом, что чем система разделения труда развитее, тем каждый отдельный труд, входящий в нее, более эффективен. У русского слова «разделение» два смысла и оба здесь важны. Первый – отделение от кого или чего-либо, тем самым различение с ним. Второй – соединение с чем или кем-либо (пример – «разделить с кем-то краюху хлеба»).

63. Мир так устроен, что мы не можем сосредоточиться на чем-то своем, не будь с нами рядом плодов чужого труда. Написано ближний, читай – необходимый. Если не он, то все равно кто-то иной. Если никто, то и ты никто. Робинзон не только нуждался в Пятнице и жил надеждой на будущее возвращение (к кому-то и всем), он выжил благодаря знаниям и спасенным инструментам, значит, благодаря ранее означенному и овеществленному труду. Поэтому высказывание «труд из обезьяны сделал человека» или «система разделения труда создала общество и человека» суть высказывания тождественные. А лозунг освобождения человека от труда по последствиям тождественен лозунгу геноцида. Ибо такое действие, будь оно возможным, а не гипотетическим, привело бы к массовой деградации и исчезновению человека.

64. Производительность труда – благо, которое дает обществу достаток. Производительность труда – важнейший индикатор национального здоровья. Высокая производительность – печать качества, свидетельство подготовки людей и толковой организации системы производства. Церкви, христианам следует благословлять ближних и друг друга на высокую производительность труда.

65. Церкви необходимо и дальше развивать мысль Реформации о том, что в первую очередь нужно стремиться не к перераспределению дохода и тем самым поощрять культуру нищенствования, а к оказанию помощи всякому человеку в раскрытии его даров через труд и систему справедливого вознаграждения. Удочка предпочтительнее рыбы. Причем так сложилось эволюционно: орудие труда в руках человека обладает преображающей силой.

66. Труд есть деятельность по расширению пространства Жизни. Это экспансия разумного живого – в неживое и рефлексивного живого – в инстинктивное живое. Это экспансия умного – в безумное. Это распространение Истины и самой Жизни от края до края и от первого века до последнего Часа. Всякая экспансия может оказаться или насилием, или *Missio Dei*. И именно от нас зависит, чем станет наш труд, благодаря которому мы войдем либо в Царство живых, либо в деспотию мертвых.

67. Церковь хранит опыт ортопраксии труда как соработничества человека с Богом. В таком соработничестве человек пока-еще-подмастерье, воплощает образ и подобие Мастера. Другими словами, для этой категории ортопрактиков труд есть опыт пресуществления ради порождения нового или копирования существующего. Такой труд есть само Таинство.

68. Но дабы труд действительно стал таинством, он должен стать священнодействием. Труд как священнодействие подобен евхаристийной чаше, в которой сущность вина таинственно удваивается сущностью Крови. Так и в труде, когда наряду с материальными результатами труда, можно увидеть и принять таинственные дары пресуществляющейся души.

69. В связи со сказанным, необходима всеобщая трудовая грамотность, нужны соответствующие массовые образовательные программы, нужны проповеди в церквях, необходимо приготавливать людей к свободному труду от избытка, от ощущения радости, от умения творить и служить, от желания быть как Отец – творить играючи, весьма хорошо, споро творить (см. Быт. 1:31).

70. В сердце христианского труда лежит работа с сакральным, которое должно не удалять от себя в благоговейном страхе, но приближать с уверенностью спасенного. Важно не только уповать и надеяться на Царство Неба и неизбежность Второй Парусии, но в ежедневной молитве сводить Небо на землю. Не только собственными помыслами и делами подтягивать земное до Небесного, но в существующем вырезать подлинное, тем самым указывать на священное. Обретение священного есть особый богоданный труд, основанный на врученном нам праве выделять в возможном и неопределенном подлинное и несокрушимое.

71. Человек имеет предназначение господствовать. Это прямое поручение Всевышнего, данное нам в самом начале. Имя Церкви происходит от понятия господства (το κυριακόν). В нем слышится Имя главы Церкви, который Господин наш и Царь царей, а мы Его царствующее священство. Поэтому ложно сужать господство человека до земли, буквалистски понимания текст Писания. Человек обязан господствовать над всем, что сотворено. «Речение «господствуйте над землею» обладает неизмеримым смысловым объемом» (Lab. 4). В этом видится также безграничный кредит доверия человеку. «Человек есть образ Божий в силу полученного от своего Создателя повеления господствовать, обладать землею» (Lab. 4).

72. Ничто нам не мешает трудиться не для чего-то, не для кого-то, не почему-то и даже не во чью-то славу, но трудиться от избытка, de profundis, из той глубины, где зарождается базовый импульс, из сущности нашего существования; трудиться, раскрывая в созидании горний Замысел, трудиться, соблюдая границы и принципы: ничего не делать из того, что не делает Отец (Ин. 5:19), но уж то, что Отец делает – делать! Лично делать! Самозабвенно делать! Вот труд, которым благословлен был райский Адам. Вот труд, восстановленный и возвращенный своей Церкви Вторым Адамом! Аминь.

[В лето пятисотое от Реформации]

